

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ О ЛЕНИНЕ КАК ПОЛИТИКЕ: МЕЖДУ ПРАГМАТИЗМОМ, АМОРАЛИЗМОМ И ФАНАТИЗМОМ

Лысюк А. И.,

*кандидат философских наук, доктор политических наук,
профессор кафедры политологии и социологии*

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

ORCID ID: 0000-0001-9886-0292

В статье со ссылками на различных исследователей и политиков указывается, с одной стороны, на противоречивое отношение к персоне и политической практике Ленина, представленное в научном и политико-идеологическом дискурсе, а с другой – на огромную роль коммунистического вождя по трансформации политической картины мира XX века. Кроме этого, концепция ленинизма с различной степенью выраженности по-прежнему сохраняет свое влияние на политические процессы на постсоветском пространстве.

В тексте, используя аналитическую аргументацию Бердяева, представленную в различных его трудах, изучаем совокупность личностных и политических способностей и качеств Ленина, позволивших ему одержать политическую победу: а) присущий ему энергетически сильно выраженный мотив власти и личностный фанатизм; б) использование любых средств для достижения целей революции; в) воспроизводство традиционной для России модели государственного управления; г) превращение коммунистической доктрины в разновидность религиозного (тоталитарного) учения; д) масштабное использование принуждения и насилия при одновременном пренебрежении ценностью и свободами личности; е) отражение в политике доминировавших в стране историко-культурных традиций, что обусловило соответствие образа Ленина параметрам «типически русского человека»; ж) творческое отношение к идеологии марксизма, позволившее сформулировать доктрину о возможности социалистической революции в одной стране; з) разработка организационных основ партийного строительства в России; и) оригинальное соединение в себе качеств революционера (разрушителя) и государственного деятеля; к) политический деспотизм и др. Бердяев указывает на нерешенность задач социалистического строительства в советской России, так как после революции в стране появилась новая, далекая от интересов народа привилегированная элита и не был преодолен феномен социального отчуждения. Определяются разработанные Лениным политические технологии, которые могут быть использованы в современной политике.

Ключевые слова: ленинизм, сталинизм, русская революция, коммунизм, мотив власти, аморализм.

Постановка проблемы. Имя и образ Ленина в современных общественных дискурсах насколько популярны, настолько и противоречивы. С одной стороны, наблюдается их абсолютная апологетика в рамках коммунистической традиции, а с другой – его низвержение в рамках ряда других политико-идеологических подходов. К примеру, В. Путин критично оценивает деятельность Ленина, рассматривая его как разрушителя, уничтожившего централизованное российское государство, имевшего тысячелетнюю историю. С другой стороны, А. Лукашенко демонстрирует уважение к персоне коммунистического вождя, воспринимая его как творца успешного советского государства, отмечая, что белорусы должны гордиться советской империей [1]. По убеждению историка Ю. Слѣзкина, большевизм и Ленина невозможно выбросить из русской истории и «Россия не может исключить коммунистический период из своей истории и ... заклеить его как абсолютное зло», так как он органичен «русскому пути» и исключает, в отличие от других постсоветских государств, фактор «вторжения внешней силы» [2]. Российские религиозные философы первой половины XX века, а также выдающийся социолог Питирим Сорокин воспринимают политический успех Ленина как отражение негативных трансформаций души русского человека [3; 4; 5 и др.].

Все исследователи (и политики) солидарны, однако, в убежденности, что политическая деятельность Ленина, приведшая к русской революции Октября 1917 г., превратила его в одного из наиболее влиятельных политиков XX ст. и что он на своем примере демонстрирует «замечательную роль» (Бердяев) личности в историческом процессе.

При всем богатстве аналитической ленинианы особый интерес представляет анализ личности Ленина, представленный в трудах выдающегося русского философа Бердяева. Причиной этому является не только мощь его философского гения, и то, что он сам являлся современником вождя революции Октября 1917 г. Главное – специфика используемого им исследовательского подхода, которая заключается в изучении преимущественно политико-культурных и психологических составляющих деятельности политических акторов той эпохи. Подобная научная оптика тем более ценна, что, как отмечает Бердяев, в марксизме «всегда самой слабой стороной была психология, а в ленинизме, вследствие преобладания демагогии, психология еще слабее, грубее и элементарнее ... и заменяется элементарными моральными изобличениями» [6, с. 133]. По убеждению Л. Троцкого, «сам Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю, собирает ее в себя, дает ей высшее выражение и именно таким путем достигает вершин ... мирового влияния» [7, с. 234]. Исторической заслугой Бердяева является акцент на учете именно культурологического и психологических факторов в общественных преобразованиях России первой половины XX в., противопоставляя свой подход широко распространенным парадигмам экономического детерминизма.

Кроме этого, Бердяев определил и технологии завоевания большевиками государственной власти с акцентом на использование ими инструментов аморализма, традиционализма и фанатизма, умноженными на политический прагматизм.

Целью статьи является определение, опираясь на научное наследие Бердяева, политико-психологического портрета Ленина, степени его укорененности в российскую мировоззренческую почву, а также изучение спектра используемых им инструментов для завоевания власти, что позволит определить актуальность ленинского наследия для современных революционных преобразований в условиях социальной аномии.

Основу методологии исследования составили общеполитологические методы, отдельные элементы сравнительного анализа и социального конструктивизма, теория персонализма Бердяева.

Изложение основного материала. Мотивы и стимулы политической деятельности Ленина. Исследователи, как правило, солидарны в том, что вхождение Ленина «в революцию» было мотивировано широким спектром личностных установок, включая и чувство мести «царскому режиму» за казнь старшего брата Александра – члена террористической фракции «Народная воля».

Обращаясь к его политическому образу, Бердяев делает акцент на *моральных* источниках деятельности, отмечая, что их «нужно видеть прежде всего в страстном, негодующем протесте против зла, несчастий и страданий жизни, в сострадании к несчастным, обездоленным, угнетенным... Этот мотив был у Белинского... В Ленине это находит свое завершение»; и что «революционность Ленина имела моральный источник, он не мог вынести несправедливости, угнетения, эксплуатации» [6, с. 35, 97].

Ключевая значимость моральных интенций существенна как первоисточник революционной деятельности Ленина, порождающий соответствующее волевое решение, поскольку последующее его утилитарно-прагматичное отношение к этическим вопросам радикальным образом разрушило мотивационный суверенитет нравственных соображений (они оказались подчиненными идеологии). Кроме этого, исключительная одержимость одной идеей и следование лозунгу «моральное все, что служит делу коммунизма», привели к страшному сужению его сознания и к нравственному перерождению. Как констатирует Бердяев, «коммунисты любят подчеркивать, что они противники христианской, евангельской морали, морали любви, жалости сострадания. И это может быть и есть самое страшное в коммунизме» [6, с. 135]. И добавляет: «Никогда свобода не осуществляется через насилие, братство через ненависть, мир через кровавый раздор. Дурные средства отравляют. Осень революции никогда не похожа на ее весну» [8, с. 273]. Подобный подход, однако, неизбежно сопровождается фактором «тирании средств», согласно которому «дурные средства» в случае расхождения с прекрасной целью формируют собственную цель, которую и реализуют.

Важным фактором в революционных практиках Ленина являлся *религиозный* компонент, выступающий в двух формах. С одной стороны, это обвинения Бога и церкви в допустимости несправедливостей, существовавших в российском обществе. Бердяев отмечает, что «русские ... делаются атеистами, потому что не могут принять Творца сотворившего злой, несовершенный, полный страдания мир... В первоисточках русского атеизма заложено было повышенное, доведенное до экзальтации чувство человечности» [6, с. 35]. Для Ленина проблема религии проникнута импульсами революции и призывами к «штурму неба», а сам его образ, его слова, по личному наблюдению П. Сорокина, напоминали «религиозный фанатизм староверов» и «он был готов поощрить толпу на любое насилие, преступление, жестокость» [4, с. 233]. В условиях нарастания в российском обществе атеистических чувств в этот исторический период, равно как восприятие церковной элиты как элиты, пуповиной связанной с царизмом, подобная его ориентация резонировала с общественными ожиданиями.

С другой стороны, Ленин видел в религиозном мировоззрении политического конкурента по нескольким основаниям. Во-первых, он четко осознает, что марксизм должен выступать как целостное, тоталитарное мирозерцание, призванное сосредотачивать революционную энергию трудящихся, с неизбежностью разрушая христианское мировосприятие. Бердяев констатирует, что сочинения Маркса, Энгельса и Ленина претендуют на статус Священного Писания, «которое может быть лишь истолковываемо, но не подвергнуто сомнению» [8, с. 305]. Идея коммунизма выступает не только в виде рационального знания, но и как определенная вера, противоположная христианству, и в христианском дискурсе обладающая многими чертами демоники [9].

Во-вторых, по убеждению Бердяева, критическое отношение Ленина к религии вызвано и примитивным ее пониманием, без глубинных мотивов и «внутренней драмы» Достоевского, Фейербаха или Ницше. Она им определяется как род «духовной сивухи», в которой рабы капитала теряют свой человеческий образ.

В-третьих, для Ленина очевидно, что революционная борьба, социалистическое строительство требуют однозначно материалистического мировоззрения. Поэтому «попами без рясы» оказываются все нематериалисты, все люди, признающие духовное начало в человеке. Это с одной стороны. А с другой – неверие в Бога непременно приводит к неверию в человека и неверию в истину [10, с. 69].

Исходя из подобного понимания религии, отмечал Бердяев, Ленин настаивал на том, что религия не может выступать частным делом внутри коммунистической партии, а, наоборот, требуется беспощадная с ней борьба. Терпимое отношение к ее адептам возможно (по тактическим соображениям) только в буржуазном государстве, в котором коммунисты могут выступать сторонниками свободы совести и отделения церкви от государства. В его представлении в революционном акте одновременно разрешаются, помимо общественных конфликтов, также проблемы тотального душевного обновления нового типа человека.

Огромную роль в политическом мировоззрении Ленина сыграли *идеологические* соображения, марксистская «картина мира», идея коммунистической революции. Бердяев указывал на творческое отношение Ленина к марксистской доктрине, на то, что он разрабатывал именно русский марксизм – ортодоксальный, «единственно верный» и «тоталитарно интегральный», настаивая на оригинальном, национально-своеобразном характере русской революции. Ленинская креативность выражалась в том, что, «вопреки доктринерскому марксизму меньшевиков, Ленин видел в политической и экономической отсталости России преимущество для осуществления социальной революции», поскольку «в стране самодержавной монархии, не привыкшей к правам и свободам человека, легче осуществить диктатуру пролетариата, чем в западных демократиях» [6, с. 104]. Он был убежден, что, учитывая зачаточный характер капитализма в России, пролетариату во время революции не придется иметь дело с сильной, организованной буржуазией.

Исходя из этих теоретических посылок, Ленин делает ставку на завоевание власти незначительным меньшинством, которое «целиком одержимо титанической идеей пролетариата, если его революционная воля экзальтирована, если оно хорошо организовано и дисциплинировано... И Ленин доказал на практике, что это возможно. Он совершил революцию во имя Маркса, но не по Марксу» [6, с. 88]. Добавим, что и не «по Плеханову», который исходил из неготовности российского общества к социалистическим переменам.

Национальное своеобразие Ленина состояло и в том, что он парадоксально реализовывал два противоположных начала: революционный импульс, связанный с разрушением старого общества, и деспотический государственный инстинкт, воплощая «в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачева, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого и русских государственных деятелей деспотического типа. В этом оригинальность его физиономии». Ленин одновременно выступает и как «революционер-максималист», и как «государственный человек». Сам процесс революции предопределяет для него государственное строительство на авторитарных началах, поскольку он абсолютно не верит в человека, правоту его свободного выбора.

Весь этот спектр ценностных ориентаций порождали у лидера «пролетарской революции» один супермотив – завоевание власти в царской России. Бердяев справедливо отмечает, что Ленин был теоретиком именно революции и его основной практической идеей выступал захват власти, и все, что он писал, было лишь разработкой теории и практики революционного переворота.

В политическом образе Ленина отчетливо проявилась известная психологическая закономерность: чем в большей степени актуализован мотив относительно конкретной деятельности, тем сильнее формируется у индивида совокупность соответствующих способностей, «работающих» на его удовлетворение. Следовательно, мощно и страстно выраженный у Ленина мотив власти породил у него широкую гамму способностей, нацеленных на его удовлетворение и доказавших свою эффективность в ходе революции.

Технология и стиль политических практик Ленина. Политический успех Ленина обусловливался преимущественно тем, что он являлся банальным теоретиком, но гениальным тактиком, что позволило ему и партии одержать победу вопреки множеству препятствующих этому объективных обстоятельств. Революционному делу Ленина способствовал, как подчеркивает Бердяев, его политический макиавеллизм, поскольку он допускал использование любых средств для достижения целей революции. Философ отмечает, что Ленин «соединял в себе предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного мирозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике... Он соединял в себе простоту, прямоту и нигилистический аскетизм с хитростью, почти коварством. Только такие люди успевают и побеждают» [6, с. 95]. Этот подход основывался на убеждении, что зло может выступать путем к добру: «Новое общество, новый человек рождаются ... из отрицательных эффектов, из ненависти, мести, насильничества» [6, с. 149].

Однако это как раз та ситуация, когда нечто осуждаемое по гуманистическим соображениям может быть эффективным в политическом (технологическом) измерении. Действительно, Ленин в полной мере подтвердил продуктивность в новых исторических обстоятельствах идей итальянского мыслителя Н. Макиавелли. Тем более что в революционные эпохи, когда наблюдается крах прежних ценностных ориентаций, с помощью демагогии можно легко овладеть сознанием и инстинктами масс.

Победе большевистской революции содействовало и активное использование ее «вожаками» инструментов насилия и принуждения, что, как указывает Бердяев, основывалось на скептическом отношении Ленина к душевной жизни человека, его неверии в человека, в дух и свободу духа. Он исходил из убеждения, что организовать жизнь людей можно лишь социальной муштровкой, инспирированной «сверху». При этом «пролетариат мыслим, как некий абсолют, которому все должно быть привнесено в жертву» [11, с. 210]. В этом выражался дегуманизм Ленина, убежденного, что русская власть не может стать человеческой и человек по своей природе не обладает духовной автономией.

Бердяев подчеркивает, что все мышление Ленина было деспотическим, и указывает на очевидное сходство между Лениным и Петром I, «между переворотом петровским и переворотом большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же элитизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя ... то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации» [6, с. 12]. Демонстрируемые большевиками мотивы силы и авторитарной власти оказались востребованными в тогдашней России, вошедшей в состояние социальной аномии.

Из этого представления о природе человека логически вытекала необходимость диктатуры как положительного дела, которая не только в состоянии остановить процесс распада российского общества, но ей изначально присущ конструктивный компонент, связанный с утверждением новых форм жизни. Бердяев подчеркивает, что политический диктат был необходим Ленину в качестве инструмента победы над русской ленью («победить Обломова и Рудина»), а также для дисциплинирования русского народа и самих коммунистов.

Русский философ констатирует, что Ленин *лично* не был жестоким человеком и ему в отношениях с близкими людьми было свойственно немало добродушия.

Существенным образом предопределило политических успех Ленина и то, что, по определению Бердяева, он по своим душевным характеристикам являлся «типически русским человеком». Русский философ подчеркивает, что «вожак революции» напоминает тот же русский тип, который нашел себе гениальное выражение в Л. Толстом, и что «в характере Ленина были типически русские черты ... русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе... прямолинейность, узость мирозерцания, сосредоточенность на одном, бедность и аскетичность мысли» [6, с. 94–95]. Мысль «вождя» была упрощена, и культурный уровень являлся невысоким: «В философии, в искусстве, в духовной культуре Ленин был очень отсталый и элементарный человек, у него были вкусы и симпатии людей 60-х и 70-х годов прошлого века», что он, как и другие вожаки революции, остался чуждым тому веянию духа, которое пронеслось над Европой и Россией в рубеже XIX–XX веков. Более того, «он соединял социальную революционность с духовной реакционностью» [6, с. 96]. Этой же позиции придерживается и выдающийся русский философ И. Ильин.

Утверждение об интеллектуальной скудности Ленина обычно вызывает внутреннее чувство протеста. Однако следует осознавать два фактора. С одной стороны, сами критерии оценки работ Ленина носили самый строгий характер и соотносились с философским творчеством лучших умов России начала XX века. С другой стороны, его социальное (и философское) творчество было подчинено политической прагматике, а не покорению метафизических глубин.

Бердяев справедливо отмечает, что Ленин не смог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе русского народа, чему способствовала Первая мировая

война. Именно из нее большей частью вышли большевистские кадры, склонные переносить военные методы на «устройство жизни», властолюбивые и поклоняющиеся силе, привыкшие к дисциплине. В результате этого в России «появились новые лица, раньше не встречавшиеся в русском народе. Появился новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости... Это были лица гладко выбритые, жесткие по своему выражению, наступательные и активные... Это тип столь же милитаризованный, как и тип фашистский» [12, с. 207].

Утверждению этого человеческого типа способствовало и то, что, по убеждению не только Бердяева, исторически душа русского человека представляет собой вечные колебания, «неведомые более средним западным народам», между двумя сильными полюсами – ангельским (религиозным) и зверским со слабой выраженностью человеческого (гуманистического) начала, поскольку одновременно русский человек может пребывать как в святости, так и низости. Революция освободила рабоче-крестьянские силы «для исторического дела», но при этом произошло и понижение уровня культуры.

Бердяев убежден в наличии «вечно бабьего» компонента в душе русского человека, что «русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия – земля покорная, женственная» [11, с. 12]. Настроенная подобным образом душа устремляется к поиску политического господина, предлагающая тоталитарные мирозерцание и общественную практику.

При этом возникает диссонанс между провозглашаемыми коммунистическими идеалами и полученными социальными эффектами, заставляющими говорить об утопичности коммунистического проекта. Он пишет, что «революционные правительства, почитающие себя народными и демократическими, всегда бывают тиранией меньшинства, которое редко бывало подбором лучших... Революционная бюрократия обычно бывает еще ниже ... старой бюрократии» [13, с. 582]. Бердяев убежден, что государство диктатуры пролетариата создало новый привилегированный класс, способный жестоко эксплуатировать народные массы.

Выводы. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, Бердяев подчеркивает огромную персональную роль Ленина в организации мирового и национального коммунистического движения и трансформации политической карты мира в XX веке.

Во-вторых, отмечается и наличие у «вожака русской революции» сильно выраженного мотива власти, который, в свою очередь, продуцировал формирование у него широкой гаммы политических способностей, позволивших одержать политическую победу.

В-третьих, важную роль в детерминации деятельности Ленина играл моральный фактор, но «исключительная одержимость» идеей революции привела его к нравственному перерождению, допускающему использование всех средств для ее достижения.

В-четвертых, Бердяев указывает и на то, что, несмотря на интернациональную риторику, русская революция под водительством Ленина носила национальный характер и воспроизводила, с одной стороны, исторически присущие России модели государственного управления, а с другой – являлась производной от «вечно бабьей» души русского человека.

В-пятых, в своих действиях Ленин выступает как гениальный тактик и фанатично настроенный политик, но одновременно как человек, для которого по причине концентрации на «деле революции» оказались недоступными многие культурные вершины XX века.

В-шестых, Бердяев подчеркивает, что ключевым недостатком концепции Ленина является пренебрежение ценностью личности, претензия на превращения коммунистической доктрины в разновидность религиозного (тоталитарного) учения.

В-седьмых, в результате пролетарского переворота под руководством Ленина появилась новая привилегированная аристократия, так же далекая от интересов народа, каковой являлась и старая.

В-восьмых, при всех исторических диссонансах политические технологии Ленина являются, тем не менее, актуальными и для эпохи постмодерна, поскольку они вполне пригодны для обществ с размытыми ценностными ориентациями; а) прерывающими религиозную традицию и склонными к демонологии; б) утратившими моральные императивы; в) подверженными демагогическим искушениям; г) подавленными «базовыми инстинктами»; д) ориентированными на доминанту патернализма и политический деспотизм.

Лисюк А. І. Микола Бердяєв про Леніна як політика: між прагматизмом, аморалізмом і фанатизмом

У статті з посиланнями на різних дослідників і політиків указується, з одного боку, на суперечливе ставлення до персони й політичної практики Леніна, представлене в науковому та політико-ідеологічному дискурсі, а з іншого – на величезну роль комуністичного вождя в трансформації

політичної картини світу ХХ століття. Крім цього, концепція ленінізму з різним ступенем вираженості й зараз зберігає свій вплив на політичні процеси на пострадянському просторі.

У тексті, використовуючи аналітичну аргументацію Бердяєва, представлену в різних його працях, вивчаємо сукупність особистісних і політичних здібностей і якостей Леніна, що дали йому змогу одержати політичну перемогу: а) властиві йому енергетично сильно виражений мотив влади й особистісний фанатизм; б) використання будь-яких засобів для досягнення цілей революції; в) відтворення традиційної для Росії моделі державного управління; г) перетворення комуністичної доктрини в різновид релігійного (тоталітарного) вчення; д) масштабне використання примусу й насильства при одночасному нехтуванні цінністю і свободами особистості; е) відображення в політиці домінували в країні історико-культурних традицій, що зумовило відповідність образу Леніна параметрам «типово російської людини»; ж) творче ставлення до ідеології марксизму, що дало змогу сформулювати доктрину про можливість соціалістичної революції в одній країні; з) розробка організаційних основ партійного будівництва в Росії; і) оригінальне поєднання в собі якостей революціонера (руйнівника) й державного діяча; к) політичний деспотизм тощо. Бердяєв указує на невирішеність завдань соціалістичного будівництва в радянській Росії, так як після революції в країні з'явилася нова, далека від інтересів народу привілейована еліта, не був подоланий феномен соціального відчуження. Визначаються розроблені Леніним політичні технології, які можуть бути використані в сучасній політиці.

Ключові слова: ленінізм, сталінізм, російська революція, комунізм, мотив влади, аморальність.

Lyisyuk A. Nikolai Berdyaev about Lenin as a politician: between pragmatism, amorality and fanaticism

In the article, with references to various researches and politicians, is indicated, on the one hand, contradictory attitude to Lenin's personality and practice, presented in scientific and political-ideological discourse, on the other – enormous role of the communist leader with regard to the transformation of political image of the world of XX century. In addition, the concept of Leninism still keeps its influence on political processes in the post-Soviet space.

In the text, using Berdyaev's analytical argument presented in his different works, is studied set of Lenin's personal and political skills and features which enabled him to get political victory: a) energetically strong motive of power inherent to him and fanaticism; b) usage of any means to achieve revolution goals; c) reproduction of traditional for Russia model of government; d) transformation of communist doctrine into a kind of religious (totalitarian) study; e) vast usage of coercion and violence while neglecting value and freedoms of individual; f) reflection in politics historical and cultural standards which dominated in the country, what stipulated Lenin's image compliance with the parameters of a "typically Russian man"; g) creative attitude towards Marxism ideology, which made it possible to formulate doctrine on the possibility of a socialist revolution in one country; h) institutional basis development of party building in Russia; i) creative combination of revolutionary (destroyer) and statesman features; j) political despotism and others. Berdyaev indicates on unresolved tasks of socialist construction in Soviet Russia, as after the revolution a new privileged elite appeared in the country, far from the interests of the people, and the phenomenon of social exclusion was not overcome. Defined political technologies developed by Lenin, which can be used in modern politics

Key words: Leninism, Stalinism, Russian revolution, communism, power motive, amorality.

Литература:

1. Лукашенко: мне до Ленина и Сталина еще «топать и топать». URL: <https://interfax.by/news/policy/raznoe/1118575/> (дата обращения: 15.10.2012).
2. Слѣзкин Ю. Большевизм: от Ленина до Путина. URL: <https://www.svoboda.org/a/29847345.html?withmediaplayer=1> (дата обращения: 29.03.2019).
3. Лосский Н.О. Характер русского народа. *Условия абсолютного добра*. Москва : Политиздат, 1991. С. 238–350.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. Москва : Политиздат, 1992. 543 с.
5. Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции. *Мосты* : сборник статей к 50-летию русской революции. Мюнхен : Товарищество русских писателей, 1967. С. 7–32.
6. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва : Наука, 1990. 224 с.
7. Троцкий Л.Д. О Ленине. *К истории русской революции*. Москва : Политиздат, 1990. С. 204–246.

8. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. Гносеологическое введение. *Судьба России*. Москва : Советский писатель, 1990. С. 224–334.
9. Мережковский Д. Тайна русской революции (опыт социальной демонологии). *Человек*. 1997. № 3. С. 98–126.
10. Бердяев Н.А. О фанатизме, ортодоксии и истине. *Человек*. 1997. № 3. С. 67–75.
11. Бердяев Н.А. Судьба России. *Судьба России*. Москва : Советский писатель, 1990. С. 3–223.
12. Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. Москва : Мысль, 1991. 224 с.
13. Бердяев Н.А. Философия неравенства. *Философия свободы*. Москва : АСТ, 2004. С. 477–728.